

А.В. Черных*Пермский филиал Института истории и археологии УрО РАН
ул. Пушкина, 44, оф. 1, Пермь, 614000, Россия
E-mail: atschernych@yandex.ru*

ОБЫЧАИ, СВЯЗАННЫЕ С ДОМАШНИМ СКОТОМ, В КАЛЕНДАРНОЙ ОБРЯДНОСТИ РУССКИХ ПРИКАМЬЯ

В традиционных хозяйственных занятиях русских, как и других восточно-славянских народов, на большей части территории их расселения животноводство занимало второе по значимости место после земледелия. Этим и обусловлена широта комплекса представлений и животноводческих обрядов в народном календаре русских. Апотропейные и продуцирующие обряды приурочивались почти ко всем календарным циклам. Животноводческие ритуалы традиционно рассматриваются этнографами в контексте того или иного празднично-обрядового цикла, в то время как народный календарь представляет собой сложную структуру, в которой отдельные компоненты часто существуют относительно автономно. В первую очередь это относится к ритуалам, связанным с производственными циклами – обработкой льна, прядением и ткачеством, земледелием, а также животноводством. В настоящей работе предпринята попытка охарактеризовать животноводческие ритуалы народного календаря как единый годовой цикл, проанализировать их внутреннюю организацию и структуру. Исследование проводится на примере русских традиций Пермского Прикамья.

Как известно, многообразие русской традиционной культуры обусловлено расселением русского этноса на огромных пространствах Евразии, которое сопровождалось формированием локальных особенностей. Культура русских Прикамья складывалась на основе традиций переселенцев с Европейского Севера России XVII–XVIII вв. Этим объясняется близость прикамского культурного комплекса севернорусскому. В результате адаптации к особенностям природно-климатической среды и сложившимся особенностям хозяйствования традиции пе-

реселенцев приобрели в Прикамье специфические черты. Кроме того, особенностью Прикамья является многочисленность старообрядческого населения, что также не могло не повлиять на судьбы традиционной культуры, прежде всего сохранения некоторых ее архаичных комплексов. В целом общность севернорусской основы населения определила относительную однородность традиционной культуры русских Пермского края.

Основными источниками для написания статьи послужили полевые материалы автора, собранные в ходе этнографических экспедиций 1992–2005 гг. у русских в Пермской обл. и Коми-Пермяцком АО. Данные источники позволяют охарактеризовать состояние традиции в конце XIX – первой половине XX в., а также ее трансформацию в более поздний период – 1950-е – 2000-е гг. Большая часть сведений о животноводческих обрядах собрана от информаторов 1890–1920-х гг. рождения, которые были участниками или исполнителями обрядов.

Основные разделы статьи определены структурой производственного животноводческого цикла, в котором кульминационными точками являются первый весенний выгон скота и осеннее завершение полевого выпаса. В период, предшествовавший началу пастбищного сезона, выполнялся целый комплекс ритуальных действий, чтобы обеспечить благополучие скота в пастбищный сезон. Эти действия соотносились, как правило, с ранневесенними праздниками.

Многочисленные ритуалы животноводческой магии составляют несколько комплексов: продуцирующие, призванные обеспечить “вод” и плодovitость скота; апотропейные, направленные на защиту скота,

а также на его возвращение с пастбища на усадьбу в пастбищный сезон; отдельная группа магических действий связана с приготовлением ритуальных предметов, необходимых для первого выгона и защиты скота в течение года. В календарном цикле наиболее многочисленные комплексы животноводческой обрядности приурочивались к двум периодам – святочному и ранневесеннему (пасхальному), которые осмыслились в народной традиции как “новогодние” [Толстая, 2005, с. 13]. Зимнее начало нового года связывалось с началом нового солнечного цикла, с днями зимнего солнцестояния, а весеннее – с началом нового хозяйственного земледельческого года. Оба начальных периода в народном календаре сохраняют прогностическое значение в течение года [Там же]. Одну из групп ритуалов, приуроченных к святочным и весенним праздникам, составляют действия животноводческой магии.

В **святочный период** ритуалы со скотом имели в основном прогностическую и апотропейную направленность; у русских Прикамья их исполнение чаще всего приурочивалось к Рождеству (07.01 по новому стилю), Васильеву вечеру (13.01) и Крещению (19.01). С животноводческой магией можно связывать известный в некоторых районах Прикамья обычай печь на Рождество особое обрядовое печенье. В южном Куединском р-не оно получило название *коледа*. В д. Дубовая Гора, например, коляду стряпали из круглого сочня, в котором делали разрезы, чтобы загнать ножки и головку. Коляду скармливали скотине; дети играли печеньем, подбрасывая его вверх: «На Рождество каляда есть, пекут ее, печенье [приговаривая]: “Колета, Колета, накануне Рождества!”». Мать наскет их, а мы их в снег кидаем, вверх кидаешь, она упадет, опять подынешь. Первым делом скотине ее даешь, овечкам» (Полевые материалы автора (далее – ПМА), Куединский р-н, д. Искильда, от Булыгиной Е.И., 1911 г.р.). В северных Красновишерском и Чердынском районах, как и во многих местах Европейского Севера, обрядовое печенье было известно под названием *козульки*, *козочки*. Его делали в форме фигурок животных: “Вот что в хозяйстве есть, кака скотина, вот ее и стряпают. Вот у нас мать месит тесто, ржаное тесто, на воде, там не яички, никого не кладут. Перво дело – лошадь, одна-две сделают. Коров, овец, куриц, ну у ково еще поросятки имелись, ну всех. Потом на завтра утром мать в печь их, чем-то помажет и в печь посадит. Ну это просто так было заведено” (ПМА, Красновишерский р-н, д. Акчим, от Филиппович (Горшковой) Т.Е., 1921 г.р.). Традиция печь обрядовое рождественское печенье известна во многих регионах России. Изготовление из теста фигурок животных, а также кормление козульками скота напрямую связаны с продуцирующей магией [Пропп, 2000, с. 34] и отвечали стремлению

в первую очередь обеспечить приплод скота. Прогностическую направленность имели и обычаи, соотносимые с рождественским славением. Для обеспечения приплода скота (“чтоб овечки водились”, “чтоб овечки пуще велись”) славельщиков сажали на подушку или овчинную шубу. “Славить ходили, хозяева тулуп расстелют на скамеечку, посадят их, чтобы, мол, овечки пуще велись” (ПМА, Куединский р-н, д. Искильда, от Пименовой П.И., 1911 г.р.). С целью обеспечить благополучие скота выполнялись ритуалы на Васильев вечер, отмеченные в северо-западных районах Прикамья. Так, в д. Дубровка Юрлинского р-на к Васильеву вечеру готовили студень из овечьих голов и ножек, “чтобы овечки лучше велись”. После вечерней трапезы остатки от холодца “потом в навоз закапывают, чтобы скот велся” (ПМА, Юрлинский р-н, д. Дубровка, от Бахматовой М.Д., 1927 г.р.).

Очистительные и апотропейные действия со скотом в святочный период приурочивались и к Крещению. Накануне Крещения к скотине вечером старались зайти до захода солнца, иначе можно было запустить в хлевы святочных духов – шуликанов: “К корове в Крещенье ходят при солнышке, не то шуликана в хлев пустишь” (ПМА, Красновишерский р-н, с. Губдор, от Вакориной Т.С., 1912 г.р.). С целью защиты скота от святочных духов, нечистой силы накануне праздника “закрещивали” окна и двери хлевов и конюшен, а также других жилых и хозяйственных построек, на косяках или дверных полотнах рисовали мелом или углем кресты. Подобный обычай был известен в Прикамье повсеместно. Крещенской водой окропляли конюшни, хлевы и скот, “чтоб скотина хорошо жила” (ПМА, Куединский р-н, д. Пантелеевка, от Салминой Т.А., 1920 г.р.), поили животных как в праздник, так и в случае болезни скота.

Схожие действия животноводческой магии, приуроченные к Святкам и зимним праздникам, были известны русским во многих регионах России. Комплекс животноводческой обрядности святочного периода немногочислен; он, как отмечалось, включает в основном апотропейные и прогностические ритуалы, призванные обеспечить благополучие скота в течение последующего года. В святочный период не проводились животноводческие ритуалы, связанные с пастбищным выпасом скота, что актуально в ранневесенний период.

Комплекс животноводческой обрядности в **ранневесенний период** у русских Прикамья соотносился со многими весенними праздниками. Многочисленные ритуалы с домашним скотом приурочивались к весенним Вербному воскресенью, Благовещенью (07.04), Егорьеву (06.05) и Николину (22.05) дням либо ко дню первого выгона. Однако наибольшее число обрядовых действий, совершаемых со скотом, приурочи-

валось к Великому четвергу. В Прикамье неизвестны животноводческие обрядовые комплексы, связанные с такими весенними праздниками, как Средокрестье, Сороки и т.д., здесь в целом не были развиты обрядовые комплексы этих праздников [Черных, 2006, с. 90–92, 161–171].

Одна из наиболее распространенных групп ритуальных действий ранневесеннего периода – приготовление ритуальных предметов, необходимых в дальнейшем для первого выгона. В северных районах Прикамья для первого выгона готовили *просфоры, просvirки, алябашки, каравашки* для скота; их приготовление приурочивали чаще всего к Великому четвергу, но в некоторых деревнях – к Благовещенью или Егорьеву дню, либо непосредственно к первому выгону скота: “Скоту у нас хлеб пекли в Великий четверг, вот, алябашек такой кругленький. И крестик поставят из этого же из теста, испекется – и на божничку. А потом корову провожать пойдут на волю весной, этим хлебушком провожают, перекрестят, скормят. Засохнет, дак размочат” (ПМА, Красновишерский р-н, д. Арефа, от Усаниной Л.Ф., 1932 г.р.); “Скотине опять хлеб специальный пекли в Благовещенье, 7 апреля, скоту в этот же день скоту давали” (ПМА, Красновишерский р-н, д. Романиха, от Зыряновой З.П., 1925 г.р.). Хлебцы пекли для первого выгона, иногда их скармливали скоту в день приготовления, в Великий четверг, на Благовещенье, в Егорьев день либо в день приготовления и при выгоне. “Пекли просvirки в этот день из своего теста, большие такие, в церкви-то маленькие делают, – отмечает информант, – эту просvirку кормили коровам. Это в Егорьев день, а потом, когда на волю еще начнут таскать, тоже дают, дескать не будет урочиться (Усольский район, с. Романово)” (Цит. по: [Подюков и др., 2004, с. 169]).

Часто в животноводческих обрядах использовались не специально приготовленные хлебцы, а обычный хлеб: “В Великий четверг-от до солнышку кусок хлеба отрежешь, заткнешь за матку, потом скотину выпускать – его им кормить. Весь кусок разделят всем” (ПМА, Чайковский р-н, д. Ольховка, от Гусевой А.А., 1913 г.р.). В обрядах первого выгона использовался хлеб с Великого четверга: “А хлеб и соль в Великий четверг до захода солнца надо положить. А потом солью и этим куском хлеба вот скотину первый раз провожаешь. Солью скотину [нужно было] посыпать, а хлеб размочить и ей скормить” (ПМА, Соликамский р-н, с. Вильва, от Вологовой В.В., 1944 г.р.); “А скотину выгоняешь в первый раз, хлебушка дают с солью, его перед Пасхой, в четверг с утра, отложишь” (ПМА, Куединский р-н, д. Трегубовка, от Решетовой А.А., 1920 г.р.). Необходимость обрядового кормления информаторы, как правило, объяснить не могут. Использование хлеба

в этом случае связано с такими его традиционными функциями, как обеспечение богатства, достатка, удачи в хозяйствовании, разведении скота [Плотникова, 1995, с. 133]. Как сообщил информатор: “На Благовещенье и Великий четверг ко скотине с хлебом ходят, чтоб скотина велась” (ПМА, Бардымский р-н, с. Печмень, от Баяндиной Н.А., 1918 г.р.). Выпекание в весенние праздники специальных хлебцов для скота, использование их в ритуалах первого выгона было характерно для русских, проживавших на территории преимущественно Европейского Севера России [Соколова, 1979, с. 156–158].

В весенние праздники готовили и другие считавшиеся необходимыми при первом выгоне ритуальные предметы, которые способствовали сохранению скота. В Ординском р-не в Великий четверг “пряли наотмашь нитку”, которую при первом выгоне привязывали скоту “от сглаза”: “В Великоденный четверг кому надо – дак пряли до солнца, потом нитку корове вплетали, чтобы не урочилась, не хворала. На шулепу пряли, скручивали в обратную сторону” (ПМА, Ординский р-н, с. Медянка, от Курмановой А.Ф., 1918 г.р.). К предметам, приготовленным в Вербное воскресенье и Великий четверг, можно отнести веточки вербы и можжевельника, которыми при первом выгоне провожали скот.

Целая группа магических действий была призвана обеспечить плодovitость и “вод” скота. С “водом” скота связывали необходимость принести на Великий четверг вереск: “Чтобы скот имелся, до солнышка еще бегали за вереском в лес” (ПМА, Соликамский р-н, д. Лызиб, от Корпенко А.С., 1927 г.р.). Для обеспечения “вода” скота кричали в трубу: «Скота гаркают, чтобы скот водился: корову – “тпруте-тпруте”, овечку – “баль-баль”, поросенка – “рюшка-рюшка”, курочку – “кутю-кутю”, гусей – “тиги-тиги”» (ПМА, Юрлинский р-н, д. Осинка, от Сакулиной К.Г., 1926 г.р.). “Чтоб скотина велась”, на Великий четверг полагалось пересчитывать скот: “Выйди в ограду и считай. Насчитай хоть десять, чтобы велись” (ПМА, Ильинский р-н, д. Усть-Егва, от Куликовой Т.В., 1918 г.р.). Традиция предписывала для “вода” “бросить в конюшню горсть с муравейника” (ПМА, Бардымский р-н, д. Асюл, от Черемных М.П., 1927 г.р.). Использование муравьев в ритуалах, “обеспечивающих” прирост скота, было очень распространено у восточно-славянских народов [Журавлев, 1994, с. 15–17]. С продуцирующей символикой связывался и обычай приносить навоз из чужого хлева: “Еще собирали три навоза в горсть у одиноких женщин и ложили их в гнездышко, чтобы скотинушка велась” (ПМА, Соликамский р-н, с. Касиб, от Журавлевой М.К., 1935 г.р.).

Обеспечение плодovitости – основная задача ритуалов со скотом в Вербное воскресенье. Почти пов-

семестно был распространен обычай кормить скот ветками или почками вербы: “Чтобы была Божья благодать, вербу святили, потом ее давали корове пожевать” (ПМА, Куединский р-н, д. Тапья, от Косьвинцевой П.В., 1917 г.р.); “Вербу в субботу наломать надо, а в воскресенье овец кормят, чтоб они велись” (ПМА, Куединский р-н, д. Кашка, от Мерзлякова А.Т., 1917 г.р.); “Вербу тоже скоту, чтобы коровы, овцы брались” (ПМА, Кишертский р-н, с. Спас-Барда, от Поповой А.С., 1913 г.р.). В некоторых селениях в праздник было принято хлестать вербой домашний скот и птицу (ПМА, Юрлинский р-н, с. Юм, от Мазеиной А.Ф., 1928 г.р.). Верба использовалась в животноводческих обрядах не только в Вербное воскресенье, но и в Великий четверг: “Овечек хлещешь имя. В этот четверг утром рано встаешь, вербу берешь и овечек... хлещешь. Чтобы овцы жили и никуда не отбегали” (ПМА, Соликамский р-н, с. Касиб, от Журавлевой М.К., 1935 г.р.).

Действия, “обеспечивающие” возвращение скота домой с пастбища, составляют одну из основных групп ранневесенних обрядов со скотом, связываемых чаще всего с Великим четвергом, реже – с Благовещением, Вербным воскресением, другими календарными датами. Чтобы обеспечить возвращение скота с пастбища, в Великий четверг устраивали ритуальный диалог: «Под окошком бегали, кричат: “Коровы те дома, нет?!” – “Дома!” – “Ну пусть будут дома”. Ну, вот с наулицы кричит в избу. А из избы ему отвечают» (ПМА, Добрянский р-н, с. Голубята, от Балдиной Н.П., 1921 г.р.); «На Великий четверг перед окном ходят: “Дома ли овечки? Коровы?” Отвечают: “Дома, дома!”» (ПМА, Юрлинский р-н, д. Кукольная, от Чеклецово́й З.И., 1926 г.р.). В ряде случаев ритуальный диалог подкреплялся другими действиями: “На кочерге вокруг дома скакали” (ПМА, Чайковский р-н, с. Сосново, от Поварницыной О.И., 1925 г.р.). В селениях Ординского р-на, чтобы скот возвращался домой, было принято усадьбу объезжать на телеге: «Мужик на телеге вокруг дома объезжал. Жену в окно спрашивал: “Где наши коровы?!”» (ПМА, с. В. Ключики, от Теплых А.М., 1917 г.р.). С этой же целью обходили и вокруг кола: “Два раза с колоколом заставят бегать вокруг кола, корову домой кричать, что да, вот чтобы летом корова домой шла” (ПМА, Юрлинский р-н, д. Черная, от Черемных З.С., 1935 г.р.). Эти действия находят параллели и в пастушеской обрядности: пастуху также предписывалось совершить обход скота или кола перед началом пастьбы [Левкиевская, 2002, с. 117–118]. Произнесение ритуального диалога подкреплялось охранительными действиями, с которыми следует связывать обход усадьбы.

Почти повсеместно в Великий четверг, чтобы скот возвращался домой, было принято звать его в печ-

ную трубу: “Кричали скотину, чтобы корова домой ходила, кричали – как корову зовут в трубу” (ПМА, Ильинский р-н, д. Меречата, от Постанововой А.А., 1918 г.р.); «Печку рано до солнышка топят, скотину по дыму кричат: “Баленьки, баль, баль, баль” – овец, “туко, туко” – корову» (ПМА, Октябрьский р-н, с. Петропавловск, от Резановой Т.Я., 1910 г.р.). “Гарканье” скота в печную трубу часто сопровождалось заговорными текстами: “Пар Божия скотинушка, коровушка, пеструшка, в чистом поле – обед, дома – ночлег, не ночуй по бору – ходи ко двору”; «Печка-дымоводка, дома живет, чело пирожником бьет, черну овечку домой ждет: “Мась, мась, мась! Иди домой!”» (ПМА, Куединский р-н, д. Ключики, от Судневой В.Г., 1922 г.р.); “Егорий Храбрый, загоняй в мой двор!” (ПМА, Юрлинский р-н, д. Лопва, от Верховланцевой Е.П., 1927 г.р.). Некоторые действия, в т.ч. зазывание скота, выполнялись на крыше: «В Велик четверг надо де на крыше на трубу сесть и кричать скотину, чтобы домой заходила. Утром ее кричи: “К нам, к нам, к нам!” – никогда скотина мимо двора не пройдет» (ПМА, Куединский р-н, с. Старый Шагирт, от Глуховой М.Я., 1912 г.р.). Ритуальное использование печи, печной трубы основывается на ее связи с пространством дома, ее роли медиатора между тем и этим мирами [Подюков, 2001, с. 37–38]. Заслонка в печи также довольно часто используется в обрядности Великого четверга: «Еще на заслонку клали хлебушко и соль и кормили скот, чтобы ходили домой сами. Говорили: “Ешь, да домой иди”» (ПМА, Юрлинский р-н, д. Кукольная, от Чеклецово́й З.И., 1926 г.р.). Магические действия с шерстью домашнего скота также были направлены на возвращение скота домой: “Чтобы скот ходил домой, шерсть у скота вырывают и кладут под матицу в Великий четверг” (ПМА, Юрлинский р-н, д. Бадья, от Суворовой Т.Р., 1920 г.р.). В Великий четверг подрезали скоту хвосты и эти волосы клали над воротами усадьбы, “чтобы все лето скотина ходила домой” (ПМА, Юрлинский р-н, д. Шестино, от Полудницыной Е.С., 1922 г.р.). Многочисленность и вариативность действий, направленных на возвращение скота в усадьбу, связана, возможно, с особенностями выпаса скота без пастуха на большей части территорий региона.

К охранительным и профилактическим обрядам защиты скота от лесных зверей можно отнести широко распространенный в юго-восточных районах Прикамья, в Сылвенско-Иренском поречье (Кунгурский, Кишертский, Октябрьский, Суксунский районы, поречье р. Сылва и р. Ирень) обычай *гонять волков*. Его проводили в Егорьев день либо в день первого выгона скота: “В Егорьев день волков гоняли. Взаправду гоняли. Такое было поверье. Вся деревня шла с ботагами, с колокольчиками, орали, кричали.

Эти были... трешотки... Молодежь балуется, взрослые по-настоящему верят. Да кто же вздумает, то и кричит. Лишь бы крик, лишь бы волки уходили» (ПМА, Суксунский р-н, д. Журавли, от Сартакова Г.В., 1918 г.р.); «В Егорьев день волков гоняли. По лесам ходили – кто с ведром, кто с колотушкой. Днем идут, кричат, волков выгнали» (ПМА, Суксунский р-н, с. Ключи, от Некрасовой Л.Г., 1931 г.р.); «Бежали в лес, зажигали пихтовые сучки. С гармонью, бубном. Мы во всю матушку поем» (ПМА, Октябрьский р-н, с. Русский Сарс, от Трясыной М.В., 1919 г.р.). Необходимость совершения ритуала повсеместно связывалась с защитой скота от волков: «Считалось, что, если не гонять, будет в деревне логово...» (ПМА, Суксунский р-н, д. Журавли, от Сартакова Г.В., 1918 г.р.), «чтобы волки летом овец не резали (Кишертский р-н, д. Макарята)» (Цит. по: [Подюков, 2001, с. 49]). Иногда этот обряд был связан с защитой домашних животных от медведя: «Перед тем, как скотину выгонять, угланов созывали со всей деревни, им надевали на шею коровьи ботала и велели по лесу бегать, медведей пугать (Лысьвенский р-н, с. Кын)» (Цит. по: [Там же]). Приуроченность обычая к Егорьеву дню отражает, видимо, представления о св. Егории Храбром – покровителе скота и «распорядителе» волков. Считалось, что именно Егорий определяет, сколько скота в течение пастбищного сезона может быть отдано на съедение волкам [Федорова, 1995, с. 187–189].

Схожий обычай *пугать зверя* известен в Северном Прикамье, где он совершался в Петров день: «Существует здесь обычай пугать зверя в празднование Петрова дня. Собираются крестьяне гурьбой в этот день, забирают с собой ружья и патроны. Идут за деревню... Выйдя за деревню, мужики развертываются кольцом и сразу начинают палить в пространство холостыми зарядами... слышав стрельбу, сбегаются ребятишки и бабы поглядеть на охотников, как они зверя пугают. Закончилась стрельба, мужики начинают меж собой рассуждать: "...звирь-то больно охочь до скотины-то, тово и гляди, может ополовинить скота-то. А вот попугали ево, смотришь. Он и остепенится, зверь-то» (Чердынский район)» (Цит. по: **Попов В.** Записки врача (рукопись). – Чердынский краеведческий музей, научно-вспомогательный фонд, № 983, с. 145).

Защита скота от зверей была известна в других обрядовых формах или приурочивалась к другим календарным срокам. В Великий четверг также принято было «гонять волков»: «Мы ранехонько по насту с палками, колотушками по насту бежим в лес, угоняем волков, якобы, чтобы волки не ходили, овец не задирали» (ПМА, Юрлинский р-н, д. Дубровка, от Бахматовой М.Д., 1927 г.р.). С этой же целью на Великий четверг прибегали к следующим действиям: «Такое тесто делали сдобное, на этом сдобном тесте

стряпали медведя, чтобы он не ходил, коров наших не давил, просили его. Стряпали это на Великий четверг и носили всё в лес, медведя большого настряпашь и ташишь его, там поставишь его на елочку или на берёзку и говори: «Не трогай нашу скотину, медведь, ты медведь, медведя жри. Три еминь!». Это утром тоже до солнышка относили» (ПМА, Соликамский р-н, д. Лызиб, от Корпенко А.С., 1927 г.р.). Среди ритуалов Великого четверга, направленных на защиту скота от хищников, следует отметить обрядовый прием, основанный на магии невозможного: «Бежали за речку, берег царапали: «Как берег с берегом не сходятся, так и скотина с медведем не сходятся»» (ПМА, Добрянский р-н, д. Голубята, от Балдиной Н.П., 1921 г.р.). В Усольском р-не при первом выгоне скота проводили молебен, «приезжало духовенство, окропляли стадо, чтобы волки да медведи не напали (Усольский район, д. Поселье)» (Цит. по: [Подюков и др., 2004, с. 169]).

Один из самых развитых комплексов животноводческой обрядности годового цикла, приходящийся на ранневесенние праздники и содержащий апотропейные и продуцирующие обрядовые действия, имел целью обеспечить благополучие и сохранность животных в период летнего выпаса. Исполнение этих действий в Великий четверг, а в некоторых случаях в Благовещение и Егорьев день связано с тем, что к данным праздникам приурочивался комплекс разнообразных прогностических ритуалов, одну из групп которых и составляли действия животноводческой магии. С такой же целью совершались некоторые ритуалы и во время первого выгона скота.

Первый выгон скота наряду с ранневесенними ритуалами со скотом был одним из самых развернутых животноводческих обрядовых комплексов в русских традициях Прикамья. Обычно обряды ограничивались домашними ритуалами выгона скота из хлева и усадьбы. Такая особенность обусловлена сложившейся системой выпаса скота. На большей части территории Прикамья скот чаще выпасался без пастуха на огороженном выгоне, паровом поле, озимом поле после жатвы, на неогороженных лесных покотинах [На путях..., 1989, с. 83; Гусев, 1889, с. 355–357, 379–381; Черных, 2001, с. 84–92]. На значительной части региона сроки начала пастыбы связывались исключительно с погодными условиями: «Как сгонит с полей снег, так и выгоняешь скорее скотину» (ПМА, Красновишерский р-н, д. Щугор, от Горшковой Р.А., 1931 г.р.). При выборе времени в этом случае предпочтение отдавали «легким» дням, чаще всего вторнику или четвергу, реже – субботе или воскресенью. Только в северных районах Прикамья первый выгон старались приурочить к Егорьеву дню. В народных представлениях

Егорий Храбрый выступал покровителем и защитником скота: “У скота Егорий Храбрый – бог” (ПМА, Юрлинский р-н, д. Лопва, от Верховланцевой Е.П., 1927 г.р.). Одной из составляющих “егорьевского” выгона было обращение к св. Егорию: “Егорей, батюшко, Храбрый, спаси мою коровушку-буренушку от всякого зверя” (ПМА, Гайнский р-н, д. Тиуново, от Тиуновой А.С., 1928 г.р.); “Егорий Храбрый, не оставляй скотину нашу на воле, веди домой!” (ПМА, Юрлинский р-н, д. Лопва, от Верховланцевой Е.П., 1927 г.р.); “Иди, матушка-коровушка, на волюшку. Храбрый, батюшка, Егорушка, проводи коровушку у меня” (ПМА, Юрлинский р-н, д. Черная, от Сакулиной А.И., 1936 г.р.). Необходимость первого выгона именно в Егорьев день, как и обращения к святому с просьбой сохранить скот, связывались с передачей скота “на поруки” св. Егорию: “Шестого мая живет Егорьев день. И вот тогда первый раз должна скотину пустить и сказать, что сдаем тебя на поруки Егору Храброму” (ПМА, Юрлинский р-н, д. Черная, от Черемных З.С., 1935 г.р.).

Первый выгон в Егорьев день часто носил лишь символический характер: “В Егорьев день, чтобы скотина велась, ее выпускают, если холодно, все равно хоть ненадолго выпускают” (ПМА, Красновишерский р-н, д. Колчим, от Усаниной Л.Ф., 1932 г.р.); “На Егоры скотину выгоняли в первый раз, а если снег лежит, то хоть снежной водой поливали” (ПМА, Красновишерский р-н, д. Акчим, от Горшковой А.И., 1932 г.р.). В Северном Прикамье часто в день первого выгона совершались и общественные молебны о скоте: “В Егорьев день первый раз скотину выгоняли, там улица была, коидор такой, ещё столб, а на столбе икона, вот туда-то скотину и водили. Батюшка приезжал, ходил, кропил. Ещё иконы выносили из часовни, Победоносца, Николая угодника... Это чтобы скотину сберечь (Усольский район, д. Поселье)” (Цит. по: [Подюков и др., 2004, с. 169]). Такие же молебны проходили и в других деревнях: “Раньше церковь была, так скота все выгоняли. Гоняли против церкви, поп брызгал, всё наказ говорил. В Егорьев день, когда скот выгоняют” (ПМА, Чердынский р-н, с. Лекмартово, от Кирьяновой Т.А., 1922 г.р.).

Выгон скота из хлева и усадьбы сопровождался многочисленными действиями, от выполнения которых зависело благополучие стада в пастбищный сезон; они часто исполнялись с той же целью и повторяли ритуалы, совершаемые в ранневесенние праздники. Скот с первых дней старались приручить к дому; не случайно, что значительное число ритуальных действий было также направлено “на возвращение скота домой”: “Которой вичкой выгоняешь в поле, ее надо хранить до осени, чтобы скотина дом не забывала. Ею всегда и загонять, и выгонять” (ПМА,

Куединский р-н, д. Степановка, от Александровой А.Л., 1931 г.р.). Чтобы обеспечить возвращение скота с пастбища, предписывалось во время первого выгона “как [животное] в загон выйдет, с правого переднего копыта взять след и в конюшню бросить” (ПМА, Красновишерский р-н, д. Романиха, от Зыряновой З.П., 1925 г.р.), а также хранить в конюшне волос, оставшийся со времени подрезания хвостов: “Когда корову выпускают – хвост обрезают, а обрезок затыкают в паз, чтобы скотина домой возвращалась” (ПМА, Красновишерский р-н, д. Писаное, от Ильиных К.А., 1926 г.р.).

Следующая группа обрядовых действий имеет ярко выраженную апотропейную нагрузку. При первом выgone, чтобы защитить скот, часто использовали соль и хлеб, приготовленные в Великий четверг; кормили скот хлебом, а солью посыпали скотину. С той же целью привязывали на шею, к рогам, хвосту разноцветные тряпочки: “Это когда первый раз отпускали, вот вязки, бывает, вяжем, красим. Привязать надо скотине на хвост или на рога тряпочку, чтобы не так порча брала, не так урочилась скотина” (ПМА, Юрлинский р-н, д. Елога, от Овчинниковой А.П., 1939 г.р.). Со стремлением защитить скот следует связывать использование можжевельника: “Скота выгоняют на волю вереском с Великого четверга” (ПМА, Юрлинский р-н, д. Лопва, от Верховланцевой Е.П., 1927 г.р.), а также золы: «Первый раз выпускаешь скотину, набери в руку золы и соли и бросаешь на скотину: “Сам не изурочишься, золу не съешь”» (ПМА, Куединский р-н, с. Старый Шагирт, от Глуховой Т.Д., 1905 г.р.).

Одним из атрибутов обряда первого выгона было яйцо: “Брали яйцо. На поле выкидывают, на поле скота выгоняют, там и выбросят” (ПМА, Юрлинский р-н, д. Черная, от Сакулиной А.И., 1936 г.р.). Использование яйца, которому приписывались магические свойства, прежде всего продуцирующие и апотропейные [Плотникова, 1995, с. 127], в обрядах первого выгона скота известно на многих территориях проживания русских. Устойчиво использование связанных с печью сажи, заслонок: «Первый раз скота выпускаешь, с заслонки кормили, чтобы домой ходил: “Как заслонка от печи не отходит, так пусть скотина от дома не отходит”» (ПМА, Октябрьский р-н, с. Русский Сарс, от Трясыной М.В., 1919 г.р.); “Первый раз погонишь скота, хлеб сажей с заслонки вымажут и корове дадут, чтоб дом знала” (ПМА, Чернушинский р-н, д. Есаул, от Чалиной М.Ф., 1931 г.р.). Почти во всех случаях эти действия совершались для того, чтобы скот возвращался домой. Заслонка, сажка, печь выступают устойчивыми символами дома. Однако их использование следует, видимо, рассматривать в более широком контексте: в славянской культуре печь и ее атрибуты

выступают и как одни из распространенных апотропеев. Почти повсеместно был распространен обычай расстилать в воротах пояс или фартук хозяйки и прогонять через них домашний скот: «Ты провожаешь в поле, на себе, на тебе, чтобы был пояс или запон, когда провожаешь её. Постели в ворота и, вот когда скотина станет проходить в ворота, ты уж приговоришь такое: “Как этот пояс-запон от меня не отходит, от хозяйки, так чтобы матушка-скотинка не отходила от дому”» (ПМА, Чернушинский р-н, д. Ореховая Гора, от Колчановой В.С., 1928 г.р.). Пояс и фартук в этом контексте выступают символами дома, хозяина, а также берегами.

В обрядах первого выгона скота часто задействованы многие предметы, связанные с пасхальными праздниками. Использование вербы, четверговой соли, пасхальной или четверговой свечи в ритуалах выгона скота отмечено на материалах не только славянских, но и многих других народов [Соколова, 1979, с. 161]. В Прикамье повсеместно был распространен обычай провожать скот ветками вербы, оставленной с Вербного воскресенья: “Выгоняли ее вербой, чтоб домой ходила” (ПМА, Куединский р-н, д. Кибай, от Александровой А.Л., 1931 г.р.); “Вербой провожали, чтобы скот не болел” (ПМА, Чернушинский р-н, д. Ореховая Гора, от Колчановой В.С., 1928 г.р.); “Скот ветками вербы хлещут, Иисуса Христа тоже хлестали, чтоб вернулся, и скотину этим хлещут” (ПМА, Куединский р-н, д. Пильва, от Патрушевой П.Е., 1912 г.р.). Использование веток вербы при первом выгоне, как мы видим, многофункционально и связывалось как с необходимостью защиты скота, так и со стремлением обеспечить его плодовитость, приучить скот к дому. В ритуале первого выгона были задействованы и другие атрибуты – соль и хлеб с Великого четверга, специально приготовленные просвирки, алябушки, хлеб с Благовещенья. При выгоне скота зажигали пасхальную свечу, “чтобы скот домой шел” (ПМА, Куединский р-н, д. Тапья, от Косьвинцевой П.В., 1917 г.р.). Включение атрибутов других праздников в обрядность первого выгона обусловлено особой сакральностью предметов, уже использовавшихся в ритуале [Толстой, 1994, с. 238–255].

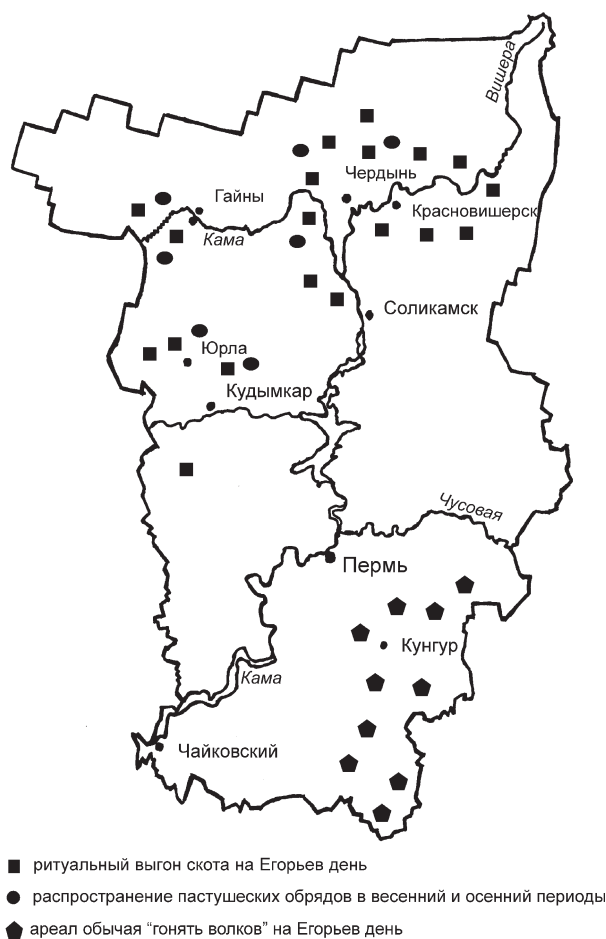
Небольшие приговоры и заговорные тексты, которые произносились при первом выгоне, были известны почти в каждом районе Прикамья. Они также были направлены на защиту и сохранение скота и в этом сближаются с другими обрядовыми действиями, выполнявшимися с этой же целью. Часто в таких текстах имеются обращения к святым, считавшимся покровителями скота, – Егорию, Гурьяну, Власию и Модесту, Анастасии. «Когда корову первый раз в поле выгоняют. Приговаривают: “Батюшка Гурьян, веди мою коровушку по этим же следам, по этим же

тропам, веди назад домой”» (ПМА, Еловский р-н, с. Крюково, от Сальниковой А.С., 1911 г.р.); “Господня скотинка, шагай с Христом с Богом, на Божью благодать, Егорию Храброму. Спаси мою скотинку от зверя лютого, от дерева подучего, от удара, от погравы, от ушиба. Дай ей, господи, силу-моготу, чтобы сама себя сохранила и силы набрала” (ПМА, Юрлинский р-н, с. Юм, от Голубчиковой М.Н., 1921 г.р.); “Благослови, Господи, Власий, святой, Анастасия, святые, Спаси Господь Бог, сохрани скотинушку и в поле все стадо” (ПМА, Куединский р-н, д. Искильда, от Пименовой П.И., 1911 г.р.). Иногда вместо развернутых текстов использовались более короткие приговоры: «“Откуда идёшь, туда и приходи” (Усольский р-н, пос. Орёл, от Молоковских С.Д., 1918 г.р.)» (Цит. по: [Подюков и др., 2004, с. 169]); “Идите с богушком!” (ПМА, Куединский р-н, д. Китрюм, от Красноперовой А.А., 1929 г.р.).

Комплекс представлений, связываемых с пастухом и пастушеским промыслом, как и пастушеская обрядность первого выгона скота, в Прикамье не были развиты. Зафиксированы лишь отдельные элементы обрядов пастушеского комплекса в некоторых северных районах Прикамья. В деревнях Юрлинского района отмечали, что “Скота передают пастуху-де в Игорев день” (ПМА, д. Келич, от Деткиной А.И., 1914 г.р.). Известно обрядовое угощение пастуха: “на Егорьев день делали кашу пастуху. Собирались у кого-нибудь, приносили еду, пиво, брагу и кормили пастуха (Гайнский р-н, пос. Чуртан)” (Цит. по: [Деревня Монастырь..., 2003, с. 23]); “на первый выгон носили масло и сметану пастуху” (ПМА, Чердынский р-н, с. Пянтег, от Вилисовой А.И., 1926 г.р.). О бытовании в северных районах Прикамья пастушеского промысла косвенно свидетельствуют и некоторые фольклорные материалы [Альбинский, 1985; Шумов, Белева, 1989, с. 41–42; Былички..., 1991]. Однако развернутого комплекса пастушеской обрядности, характерного для некоторых традиций Русского Севера [Максимов, 1903, с. 193–195; Щепанская, 1986, с. 165–171; Гуляева, 1986, с. 172–180; Криничная, 1986, с. 181–189; Дурасов, 1989, с. 265–282; Бернштам, 1983, с. 167], в Прикамье не сложилось.

Весенний комплекс животноводческих обрядов был самым развернутым в годовом цикле. Приуроченность к первому выгону и предшествующему ему времени многочисленных апотропейных и продуцирующих обрядовых действий обоснована стремлением произвести их перед началом нового пастбищного сезона и обеспечить благополучие и сохранность скота в течение всего периода выпаса.

В период летних праздников в Прикамье почти не совершались отмечаемые в других регионах России животноводческие обряды, например, угощение пастухов в Петров день, петровский обход

Карта распространения ритуалов с домашним скотом в Пермском Прикамье в конце XIX – первой половине XX в.

скота [Журавлев, 1994, с. 109; Винокурова, 1994, с. 89–93; Зеленин, 1914, с. 258]. Комплекс обрядов, выполнявшихся осенью, был приурочен к **завершению выпаса скота**. Однако представлений, примет, ритуальных действий, связанных с этим событием, бытовало немного. Они характерны прежде всего для северных районов (Юрлинский, Гайнский, Чердынский, Усольский). В южных районах Прикамья, где скот пасся без пастуха на огороженных паскотинах, а после жатвы – на выжатом поле, время загона скота определяли “по погоде”, “как снег нападёт”. В этих районах, как отмечалось, редко встречаются и фиксированные весенние сроки выгона скота. В Северном Прикамье комплекс представлений, связанных с завершением выпаса скота, соотносился с осенними праздниками – Воздвижение (27.09) и Покров (14.10). В Усольском и Чердынском районах на Воздвижение и в “Сдвиженску неделю” запрещалось выпускать скот в поле: “Сдвиженская неделя была, так там волки ходили по деревне, стая-

то, тогда овечек-то в избу прибавляли, всю Сдвиженску неделю овечек дома держали, чтобы волки-то не трогали их” (ПМА, Усольский р-н, д. Лысьва, от Чесноковой Е.А., 1912 г.р.); “Был такой праздник – Воздвижение. Вот тогда и нельзя было в лес коров пускать и ходить в этот день в лес нельзя, в этот день леший хозяйничает в лесу” (ПМА, г. Усолье, от Мазихиной Н.Н., 1921 г.р.). В Юрлинском р-не в праздник выгоняли скот на поле, однако следили “чтобы в этот день скотина обязательно дома спала”: “В Сдвижение на поле страшная ночь, зверь бродит, может скотину задрать. В эту ночь обязательно нужно, чтоб скотина дома спала” (ПМА, д. Елога, от Овчинниковой А.П., 1939 г.р.). Предписание не выпускать скот в день Воздвижения известно у русских и в других регионах [Вятский фольклор..., 1995, с. 117]. Представления о разгуле нечистой силы и неистовстве зверей, характерные для поверий о Воздвижение, в других русских традициях связываются с более продолжительным периодом – концом осени – началом зимы [Чичеров, 1957, с. 35–36]. В некоторых северных районах завершение пастбищного периода приурочивали к Покрову. Так, в Усольском р-не известна поговорка: “Не жди Покров – запирай коров (с. Березовка)” [Подюков и др., 2004, с. 182]. В Гайнском р-не к Покрову приурочивали угощение пастухов: “На Покров всё село к пастуху на кашу ходило, благодарили (Гайнский район, д. Сёйва)” (Цит. по: [Деревня Монастырь..., 2003, с. 21]). “Пастушью кашу” – угощение пастуха – проводили и в других деревнях Гайнского р-на: “В Покров опять была пастушья каша. Идем к пастуху, стряпню всякую несем, пирог, шаньги, целу корзину несешь, бражку обязательно с пенкой. Все идут, у кого коровы, там гуляем (Гайнский р-н, д. Пальник)” (Цит. по: [Словарь..., 2006, с. 117]). Однако часто и после Покрова выпас скота продолжался до снега: “На Покров к пастуху с угощением ходили, если хорошо угостят и погода стоит, еще маленько после Покрова попасет” (ПМА, Гайнский р-н, д. Тиуново, от Тиуновой А.С., 1928 г.р.). Осенние обряды с домашним скотом, связанные прежде всего с завершением выпаса скота в поле, с одной стороны, маркировали завершение животноводческого цикла летнего выпаса скота, а с другой – имели продуцирующую направленность, были призваны обеспечить сохранность и “вод” скота.

Комплекс животноводческой обрядности конца XIX – первой половины XX в., реконструируемый нами, существенно трансформировался в середине XX – второй половине XX в., хотя некоторые его элементы продолжают бытовать и в настоящее время. Изменения в этом комплексе были вызваны преобразованиями в хозяйственном и общественном укладе в деревне, повлекшими разрушение в

целом многих составляющих традиционной культуры. Информаторы указывают на 1950-е гг. как последнее время бытования коллективных ритуалов, например, праздника по случаю завершения выпаса скота (“пастушьа каша”), обычая “гонять волков” на Егорьев день и др. С середины прошлого века постепенно перестают бытовать также многие обычаи и обряды прогностической и апотропейной магии, приуроченные к ранневесенним праздникам: приготовление козулек, обрядовых хлебцов в Великий четверг и Благовещенье и т.д. Наибольшую устойчивость демонстрируют ритуалы, непосредственно связанные с первым выгоном скота. Сохранению этого комплекса способствовал преимущественно семейный или индивидуальный характер исполнения ритуалов, а также непосредственная связь с выгоном скота на пастбище. Ритуалы, сопровождающие выгон скота из конюшни, продолжают исполняться и в настоящее время.

Анализ животноводческих обрядов в Пермском Прикамье выявил их многообразие и вариативность. Картографирование распространения того или иного обычая на территории Прикамья позволяет выделить два комплекса животноводческой обрядности – северный и южный. Для северного комплекса (Юрлинский, Гайнский, Красновишерский, Чердынский, Соликамский и Усольский районы) характерны развернутые представления о Егории Храбром как покровителе скота, приуроченность первого выгона к Егорьеву дню и некоторые элементы пастушеской обрядности. Северный комплекс животноводческих обрядов находит параллели в русских традициях Европейского севера России, откуда и шел основной поток переселенцев в эти районы Прикамья. На большей части территории Прикамья, преимущественно в южных районах Пермского края, выделяемых нами условно в южный комплекс представлений о пастушестве, Егории Храбром как покровителе скота и Егорьевом дне как дне первого выгона не было неизвестно (см. *карту*). Южный комплекс отличается большей вариативностью традиций, что связано с более сложным составом русского населения этих территорий, в формировании которого принимали участие выходцы как с Русского Севера, так и из средней полосы России.

Животноводческие ритуалы были связаны со многими датами народного календаря почти всего года, однако они группируются в основном вокруг первого выгона скота на пастбище и завершения его полевого выпаса; вторую группу составляют ритуалы, исполнявшиеся в святочный или ранневесенний период, имеющие прогностическую направленность. Животноводческий комплекс обрядности, реконструируемый на основе разнообразных элементов, которые соотносятся со многими календар-

ными датами, предстает как единый годовой цикл, кульминационным моментом которого является выгон скота на пастбища, обусловивший значительное развитие именно весеннего комплекса обрядности со скотом.

Список литературы

- Альбинский В.А.** “Рожечный” промысел и пастушьа “трубля” в Прикамье // Изучение народного творчества на современном этапе: Тез. докл. обл. науч.-практ. конф. – Пермь: Перм. обл. краевед. музей, 1985. – С. 28–29.
- Бернштам Т.А.** Русская народная культура Поморья в XIX – начале XX в.: Этнографические очерки. – Л.: Наука, 1983. – 332 с.
- Былички** и бывальщины: Старозаветные рассказы, записанные в Прикамье / Сост. К.Э. Шумов. – Пермь: Перм. кн. изд-во, 1991. – 410 с.
- Винокурова И.Ю.** Календарные обычаи, обряды и праздники вепсов (конец XIX – начало XX в.). – СПб.: Наука, 1994. – 124 с.
- Вятский фольклор:** Народный календарь. – Котельнич: Моск. гос. ун-т; Вят. регион. центр русской культуры, 1995. – 166 с.
- Гуляева Л.П.** Пастушеская обрядность на р. Паше (традиции и современность) // Русский Север: Проблемы этнокультурной истории, этнографии, фольклористики. – Л.: Наука, 1986. – С. 172–180.
- Гусев В.** Деревня Дубовая Гора Аряжской волости // Сборник Пермского земства за 1888 г. – Пермь: [Тип. Перм. земства], 1889. – № 12/13. – С. 355–357, 379–381.
- Деревня Монастырь** на Каме-реке: Сборник фольклорно-этнолингвистических материалов по Гайнскому району / Сост. И.А. Подюков. Пермь: Перм. обл. ин-т повышения квалификации работников образования, 2003. – 60 с.
- Дурасов Г.П.** Обряды, связанные с обиходом скота, в сельской общине Каргополья в XIX – начале XX в. // Русские: семейный и общественный быт. – М.: Наука, 1989. – С. 265–282.
- Журавлев А.Ф.** Домашний скот в поверьях и магии восточных славян: Этнографические и этнолингвистические очерки. – М.: Индрик, 1994. – 256 с.
- Зеленин Д.К.** Описание рукописей Ученого архива Русского географического общества. – СПб., 1914. – Вып. 1. – 483 с.
- Криничная Н.А.** О сакральной функции пастушьей трубы (по материалам северных пастушеских обрядов) // Русский Север: Проблемы этнокультурной истории, этнографии, фольклористики. – Л.: Наука, 1986. – С. 181–189.
- Левкиевская Е.Е.** Славянский оберег: Семантика и структура. – М., Индрик, 2002. – 336 с.
- Максимов С.В.** Нечистая, неведомая и крестная сила. – СПб.: Тов-во Р. Голике и А. Вильборг, 1903. – 526 с.
- На путях** из земли Пермской в Сибирь: Очерки этнографии северно-уральского крестьянства XVII–XX вв. – М.: Наука, 1989. – 352 с.
- Плотникова А.А.** Первый выгон скота в Полесье // Славянский и балканский фольклор: Этнолингвистическое изучение Полесья. – М.: Индрик, 1995. – С. 108–141.

Подюков И.А. Круговорот жизни: Народный календарь Прикамья. – Пермь: Перм. обл. науч.-исслед. центр авитальной активности, 2001. – 100 с.

Подюков И.А., Белавин А.М., Крыласова Н.Б., Хоробрых С.В., Антипов Д.А. Усольские древности: Традиционная культура русских конца XIX – XX в. – Усолье: Перм. кн. изд-во, 2004. – 240 с.

Пронн В.Я. Русские аграрные праздники: Опыт историко-этнографического исследования. – М.: Лабиринт, 2000. – 192 с.

Словарь русских говоров Коми-Пермяцкого округа. – Пермь: Перм. обл. науч.-исслед. центр авитальной активности, 2006. – 272 с.

Соколова В.К. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов. XIX – начало XX в. – М.: Наука, 1979. – 285 с.

Толстая С.М. Полесский народный календарь. – М.: Индрик, 2005. – 600 с.

Толстой Н.И. О вторичной функции обрядового символа (на материале славянской народной традиции) // Историко-этнографические исследования по фольклору: Сб. памяти С.А. Токарева. – М.: Вост. лит., 1994. – С. 238–255.

Федорова В.П. Народные святцы старообрядческого села // Летопись уральских деревень. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 1995. – С. 187–189.

Черных А.В. Особенности системы землепользования русских крестьян Сылвенско-Иренского поречья // Традиционная культура Урала: Альманах. – Екатеринбург: Свердлов. обл. дом фольклора, 2001. – Вып. 1. – С. 84–92.

Черных А.В. Русский народный календарь в Прикамье: Праздники и обряды конца XIX – середины XX в. – Пермь: Пушка, 2006. – Ч. 1: Весна, лето, осень. – 368 с.

Чичеров В.И. Зимний период русского народного земледельческого календаря XVI–XIX вв.: Очерки по истории народных верований // Тр. Ин-та этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. – 1957. – Т. 40. – С. 35–36.

Шумов К.Э., Белева О.Б. Особенности представления о пастушеском промысле в зависимости от природно-климатических условий и местных традиций Северного Прикамья // Научно-технические и социальные проблемы развития Уральского Нечерноземья: Тез. докл. обл. науч.-практич. конф. молодых ученых и студентов вузов г. Перми, 28–29 марта 1989 г. – Пермь: Перм. обл. краевед. музей, 1989. – С. 41–42.

Щепанская Т.Б. “Знание” пастуха в связи с его статусом (северно-русская традиция XIX – начала XX в.) // Русский Север: Проблемы этнокультурной истории, этнографии, фольклористики. – Л.: Наука, 1986. – С. 165–171.

Материал поступил в редколлегию 28.08.06 г.